

Глава 3. ИНДИВИДЫ И ДОМОХОЗЯЙСТВА В НОВОМ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ: НЕРЫНОЧНОЕ ПРИСПОСОБЛЕНИЕ К РЫНКУ

3.1 Основные черты современного институционального пространства: новые возможности и новые ограничения

Любые кардинальные преобразования в обществе предполагают изменение институционального пространства, которое в значительной степени определяет спектр выбора (формального и неформального) как целей экономических субъектов, так и способов (и издержек) достижения этих целей. В процессе реализации этих целей (или вынужденного отказа от их реализации) экономические субъекты вступают в определенные социальные взаимодействия, доступными им способами влияя на формирующиеся правила игры, которые могут как соответствовать официально провозглашенным, так и отклоняться от них. Новые правила игры могут расширять экономическую свободу индивидов и домохозяйств (т.е. доступный им выбор в распоряжении своими усилиями, доходами, богатством, временем), а могут – и сужать ее; они могут расширять возможности одних субъектов и сужать возможности других. По-разному реагируя на новую ситуацию – поддерживая институциональные инновации или противодействуя им; оценивая их как временные или как устойчивые, как легитимные или нелегитимные, – разные экономические субъекты вносят свой вклад в конечные результаты институциональных преобразований. В этом сложном клубке столкновения множества разных интересов и воля, переплетения инновационных и инерционных механизмов, присутствующих в любых меняющихся социально-экономических системах, постепенно кристаллизуются новые правила игры, воспроизводятся или частично видоизменяются старые. И именно эти – уцелевшие, скорректированные и неформально сложившиеся – правила игры (как новые, так и старые) цементируют новое институциональное пространство, которое, в свою очередь, воздействует на спектр возможного выбора целей и моделей поведения по их достижению в следующий момент времени.

Какие же изменения *действительно* произошли в институциональном пространстве в ходе современных реформ? Как они воздействуют на экономические решения, принимаемые разными типами домохозяйств и индивидов? И как реализуемые модели экономического поведения, в свою очередь, сказываются на процессе и перспективах институционализации новых экономических прав и неправовых норм?

Характеризуя изменения в институциональном экономическом пространстве, с которыми столкнулись индивиды и домохозяйства в ходе реформ, акцентируем следующие моменты.

1. Произошли кардинальные изменения в системе социально-экономических прав. Появилась возможность создать свое дело и вести его на свой страх и риск, право самому решать – работать или не работать, право работать в нескольких местах без разрешения с места основной работы, право частной собственности на средства производства, право производителей самим определять объемы производства, цены на продукцию, размеры заработной платы. Стало возможным приватизировать квартиру, приобретать и иметь в личной собственности жилье, хранить сбережения в иностранной валюте и в негосударственных банках. Облегчился выезд за рубеж, в том числе и на работу. Провозглашено право на забастовки, митинги, акции протеста. Разрешены платная медицина и платное образование и многое другое.

Вместе с тем эти права не просто добавились к прежним, они вытеснили ряд дореформенных социально-экономических прав. В самом деле, государство больше не гарантирует ни доход в размере прожиточного минимума, ни тем более доход, обеспечивающий достойный уровень жизни. Исчезли гарантированная государством занятость, отсутствие угрозы безработицы, которую раньше имели жители, хотя и не всех, но все же большинства регионов страны. Утеряно право на стабильные цены, устанавливаемые государством, сузилась сфера действия права на бесплатную медицинскую помощь и бесплатное образование и др.

Эти изменения в институционально-правовом пространстве официально задали *новые правила игры*: закрепленные в системе правовых норм формальные возможности экономических субъектов в выборе и достижении жизненных целей, интересов.

2. Преобразования экономических институтов подкрепляются демократизацией институтов политических и сами постепенно становятся важным, хотя и не необходимым, фактором дальнейшей политической демократизации. В самом деле, такие институциональные изменения в политической сфере, как возможность выборов на альтернативной основе, территориальная децентрализация управления, некоторые шаги в сторону плюрализации СМИ и создания свободных ассоциаций граждан и др., в определенных условиях в принципе способны внести существенный вклад в продвижение экономических реформ в либеральном направлении, в увязывании макро- и микроуровней социально-экономической системы по иным правилам игры. Однако этот конструктивный политический вклад в трансформацию экономических институтов может и не быть внесен, ибо, как свидетельствует исторический опыт, между преобразованиями институтов экономических и политических нет однозначной взаимосвязи.

Так, М.Фридман заключает, что капитализм есть необходимое, но не достаточное условие политической свободы. В фашистских Италии и Испании, Германии нескольких периодов, Японии перед первой и второй мировыми войнами, в царской России до первой мировой войны господствующей формой экономической организации было частное предпринимательство, но эти страны не были политически свободными²¹⁹. Более свежий пример сочетания рынка в экономике с авторитаризмом в политике – пиночетовский режим в Чили. Неудачи реформ в России на фоне успешности экономических преобразований в Китае также опровергают тезис о необходимости установления демократии как предварительное условие утверждения рыночной экономики. В последние годы переход к рыночной экономике был более

²¹⁹ Friedman M. Capitalism and Freedom / With the assistance of Rose D. Friedman. – Chicago and London: The University of Chicago Press, 1982. P.10.

успешным именно при авторитарных режимах, поэтому можно утверждать, что рыночная экономика в принципе совместима с любыми политическими режимами²²⁰.

В современном российском обществе положительная взаимосвязь между трансформацией политических и экономических институтов представляется особо проблематичной в связи еще и с тем, что за демократичными по форме политическими институтами скрываются далеко не демократичные социальные реалии. Выборы на альтернативной основе сопровождаются манипулированием поведением избирателей, давлением на кандидатов и неверием больших групп избирателей в честность подсчета голосов. Территориальная децентрализация управления нередко граничит с феодализацией страны из-за слабого развития структур гражданского общества, местного самоуправления и др. "Свободные" СМИ активно отстаивают интересы своих владельцев, а свободные ассоциации граждан, отстаивающие универсальные цели, малочисленны и слабы²²¹.

3. Неактуальность и нелегитимность для большей части экономических субъектов низшего уровня (индивидов и домохозяйств) провозглашенных институционально-правовых изменений. Если "административно-командные" правила игры большинством советских граждан воспринимались как легитимные (которые при желании можно усовершенствовать, как только возникнут "узкие места") и отторгались очень немногими, то к провозглашенным в ходе реформ социально-экономическим правам большая часть экономических субъектов низшего уровня (индивиды и домохозяйства) оказалась в лучшем случае индифферентной. Особенно велика эта доля в селе. Так, 42% опрошенных нами жителей сибирских сел²²² утверждают, что их вполне устраивали прежние права и никакие из новых прав им не нужны. Взятые в отдельности ни одно из провозглашенных в ходе реформ социально-экономических прав пока не является значимым для большинства селян. Максимальная поддержка составляет 29% опрошенных (относительно возможности приватизировать жилье), но чаще всего она не превышает 20%. Жители крупного города демонстрируют более высокую заинтересованность в новых правах. Только 11% из них указали, что их вполне устраивали прежние права и никакие из новых прав им не нужны. Другое отличие горожан - гораздо большая доля сторонников всех провозглашенных в ходе реформ прав. Правда, 50%-ный барьер преодолело только право приватизировать квартиру, приобрести и иметь в личной собственности жилье (58%), которое занимало первое место и в селе.

Ведущая роль социально-экономических прав (по сравнению с правами социально-политическими) поддерживается положительным откликом на право работать в нескольких местах без разрешения с места основной работы (42%), которое в крупном городе - с его многообразием рабочих мест - намного актуальнее, чем в селе (15%). Более трети (36%) находят важным право создать собственное дело и вести его на свой страх и риск (19% - в селе). Среди немаловажных для горожан оказались и другие социально-экономические права: частной собственности на землю (29% против 19% - в селе) и на другие средства производства (17% против 8% - в селе), самостоятельного решения работать или не работать (26% против 15% - в селе), право производителей самим определять объемы производства, цены на продукцию, размеры заработной платы (22% против 15% - в селе). 28% сочли важным право на хорошую медицинскую помощь за счет развития платной медицины, а 10% - право получить образование за деньги, на контрактной основе (в сельском массиве таких подсказок не было).

Таким образом, в настоящее время большая часть экономических субъектов низшего уровня находит значимыми те или иные новые права, в то время как другая (также весьма многочисленная) считает их неважными и ненужными. Первых больше в городе, вторых - в селе. В крупном городе отчужденность от новых экономических прав менее заметна за счет "делающих погоду" двух прав: возможности приватизировать жилье и права работать в нескольких местах без разрешения с основной работы. *Неактуальность провозглашенных в ходе реформ прав - серьезный барьер для их институционализации и важный фактор формирования неправовых норм социальных взаимодействий.*

4. Ослабился контроль со стороны государства за соблюдением правовых норм; власти разных уровней сами активно нарушают законные права рядовых граждан. Провозглашение новых прав, которые должны были охраняться силой государства, по времени, напротив, совпало с ослаблением роли последнего в защите как новых, так и унаследованных из прежней общественной системы прав. В результате новые права сегодня реализуются в условиях отсутствия надежных институциональных механизмов защиты интересов не только слабых, но и сильных социальных групп, роста произвола, вседозволенности, безнаказанности. Так, только 1,5% экономических субъектов за последние 3-4 года не сталкивались с ущемлением своих прав. Причем большая их часть (42%) указала, что в современных условиях законные права нарушаются чаще, чем до реформ (26% - что это происходит примерно так же и только 5% - что реже).

Более того, в современных условиях власти разных уровней сами нарушают законные права граждан и даже солидаризируются друг с другом в разного рода неправовых взаимодействиях: незаконном расходовании бюджетных средств, заключении заведомо убыточных для России договоров, продаже на невыгодных условиях объектов госсобственности, принятии "неправовых законов" и проч. Так, по результатам проверки Рострудинспекции предприятий, где задерживалась зарплата (1996 г.), уголовные дела за незаконные задержки возбуждены лишь в 1% случаев. А в следующем году в новом Уголовном кодексе (1997 г.) наказание за задержку зарплаты и вовсе было отменено.

Как показало наше исследование, среди нарушителей законных прав безусловно лидируют центральные власти: на них указали 59% респондентов. Следом идут руководители предприятий, организаций, фирм (45%), местные органы власти и органы правопорядка (милиция, ГИБДД, прокуратура и др.), набравшие равное число голосов (по 35%). Сегодня ситуация такова, что среди нарушителей прав граждан органы правопорядка встречаются почти вдвое чаще, чем нарушители

²²⁰ Гаджиев К.С. Эпоха демократии? // Вопросы философии. 1996. № 9. С.6.

²²¹ Стратегия для России: повестка дня для Президента - 2000. М.: Изд-во Вагриус, 2000. С. 16-17.

²²² Здесь и далее приводятся данные серии социологических обследований, проведенных в городской и сельской местности Новосибирской области и Алтайского края. Выборочная совокупность городского населения (602 чел., 1998, 1999 гг.) репрезентирует генеральную по полу и возрасту трудоспособного населения. Информационной базой сельских исследований стали данные серии социологических обследований, проведенных ИЭ и ОПП СО РАН в Алтайском крае (один сельский район - 1995 г.) и Новосибирской области (один сельский район и малый город - 1996 г., два сельских района - 1997 г.). Выборочная совокупность репрезентирует генеральную по полу, возрасту и уровню образования взрослого населения (1995 г., 344 чел.) и населения трудоспособного возраста (1996 г., 340 чел.), по полу и возрасту взрослого населения (1997 г., 551 чел.).

правопорядка, с которыми они призваны бороться (35 против 19%). В целом с нарушением прав властями разных уровней за последние 3-4 года столкнулись 89% респондентов.

Лишь незначительно уступает им частота нарушения прав в преимущественно *горизонтальных* социальных взаимодействиях, участники которых формально не связаны отношениями господства-подчинения (83%). Среди последних безусловно лидируют работники торговли и других учреждений сферы обслуживания (51%), на втором месте – работники жилищно-коммунального хозяйства (33%), на третьем – негосударственные финансовые организации (банки, фонды), а также работники здравоохранения, набравшие соответственно 28 и 26% голосов, и др.

В среднем каждый респондент называл 3-4 субъектов (вертикальных и горизонтальных), нарушавших за последние 3-4 года его законные права. Виды и формы нарушения прав также многообразны. Абсолютное большинство (85%) называют экономические нарушения и ущемления, а именно: несвоевременность выплаты заработной платы, пенсий, пособий (66%), утрату денежных сбережений, хранившихся в банках (44%), а также кабальные налоговые законы (22%). Почти половина (47%) сослалась на общую разрушительную политику "верхов" в стране как нарушающую их права, 34% - на невыполнение обязательств, обман со стороны властей (например, в ходе расчета за произведенную по государственному заказу продукцию и др.), 21% - на бессилие властей в защите законных прав рядовых граждан и почти столько же (19%) – на нежелание властей делать это.

На этом фоне проявление своеволия чиновников, - будь то необоснованные запреты и задержки прохождения дел во властных органах или вымогательство денег, подношений, услуг за решение вопроса, набравшие соответственно 8 и 6% голосов, - казалось, выглядят чуть ли не завоеванием нового времени. Однако, по нашим данным, за защитой (сохранением) своих прав в местные и центральные органы управления обращались всего лишь 12 и 2% респондентов соответственно. Иными словами, с произволом чиновников столкнулся более чем каждый второй из числа обратившихся в органы власти.

На уровне предприятий (организаций, фирм) вслед за нарушениями прав в области оплаты труда идет несоблюдение руководством законов в области режима, условий труда, техники безопасности (17%), угрозы или "мирный" предлог для увольнения в ответ на попытку отстоять законные права (13%) или уже случившееся несправедливое увольнение с работы (8%). Не случайно поэтому почти половина работающих респондентов (48%) сегодня чувствуют себя более зависимыми от руководителя предприятия (организации, фирмы), чем это было до реформ.

В условиях роста преступности, а также произвола, безнаказанности, бездействия и бессилия властей как сильные, так и слабые экономические субъекты мало рассчитывают на обращение к властям как способу защиты своих прав даже тогда, когда защита этих прав входит в компетенцию власти. Так, в сельской местности на *потенциальную* помощь местных властей в настоящее время рассчитывает лишь 6% респондентов, а в городе и того меньше – 3%; на центральные власти надеются соответственно 2 и 1%, а на правоохранительные органы – 8 и 12%. *Реальная* помощь встречается еще реже. В то же время самостоятельная защита своих прав в большинстве случаев (73%) чаще всего или всегда безуспешна, особенно если субъектами правонарушений выступают власти разных уровней.

В результате в настоящее время неправовые социальные взаимодействия - устойчивая, постоянно воспроизводящаяся часть системы социальных взаимоотношений. Они достаточно прочно интегрированы в современный трансформационный процесс, в формирующуюся систему общественных отношений и стали важным элементом нового институционального пространства.

5. Ослабился не только вертикальный, но и горизонтальный контроль за правильностью исполнения ролевых ожиданий. В периоды кардинальных общественных преобразований межгрупповые различия в нормативных системах особенно возрастают: разные социальные группы имеют весьма различные представления о том, за какие правовые и моральные рамки не должны выходить взгляды и модели поведения других групп, равно как и их собственные, какие способы социальных действий заслуживают наказания (порицания), а какие - нет. Новые ролевые рамки и правила игры еще не окрепли, что делает ролевую систему *меняющегося, нестабильного* общества слабым гарантом соблюдения провозглашенных прав и правил игры. Типичное для многих ролей поведение еще окончательно не оформилось, а если и оформилось, то нередко не совпадает с формально ожидаемым. Во всяком случае, в нем велика доля "личностного" и "временного" элементов. Большая вариантность, которая допускается сегодня в выполнении определенных социальных ролей, отчасти связана с особенностями переходного периода. Процесс институционализации новых ролей (и старых ролей в новых условиях) еще не закончен, так что "потенциальные игроки", намеревающиеся вступить в игру, действуют в условиях большой неопределенности: они либо не знают всех правил, либо хотя и знают, но не всегда могут рассчитывать на них.

Увеличиваются и несоответствия между ценностными ориентациями индивидов и теми социальными нормами, которым они вынуждены следовать. *Поскольку новые ролевые ожидания не соответствуют правовым и моральным нормам, разделяемым многими индивидами, ролевые отклонения не сказываются отрицательным образом ни на оценке индивидами самих себя, ни на оценке их "значимыми другими"*.

По данным наших обследований в восточных регионах страны, более частое нарушение правовых норм вообще становится одним из основных видов реактивно-адаптивного поведения (термин взят у Т.И.Заславской²²³) разных групп населения к тем условиям, в которых они оказались в ходе реформ. В частности, мелкие хищения с производства, совхозного поля, стройки основной частью (65%) сельского населения, не получающего зарплату от полугода до 2 лет, не осуждаются: *"Нечем кормить детей, с голоду им что ли помирать?!"*; *"Пусть берут побольше, все равно это ихнее, они больше ничего не получают — работают за так"*; *"Осуждать их не надо — их правительство к этому привело [воровать, грабить]"*; *"Рабочего не осуждаю, а начальство — осуждаю: они не за кусок хлеба тянут"*; *"Тут сумочку возьмешь, а они [начальство] машинами везут"*. В крупном городе таких 62%. Другие исследователи также фиксируют хорошую осведомленность населения о незаконных способах достижения желаемых целей, готовность воспользоваться ими и включенность в них²²⁴.

²²³ Заславская Т.И. Социальный механизм трансформации российского общества // Заславская Т.И. Российское общество на социальном изломе: взгляд изнутри / ВЦИОМ, Моск. высш.школа соц. и экон. наук. М., 1997. С. 283–299.

²²⁴ Меджевский А.А., Гирич С.А., Мизерий А.И. Граждане и эксперты о коррупции // Социологические исследования. 1999. №12. С.87–88; Радаев В. Теневая экономика в России: изменение контуров // Pro et Contra. 1999. Том 4. №1. С.13, 19–20; Рыбкина П.В. От теневой экономики к теневому обществу // Pro et Contra. 1999. Том 4. №1. С. 32–33.

Пока еще включение в неправовые социальные действия повышает внутренний дискомфорт у больших групп населения (по крайней мере, у половины) и обостряет проблему социальной адаптации к этой ситуации: *"Стыдно, но жить-то надо. Вот дотащим последнее, с чем останемся — не знаем"*. В то же время многие респонденты (на селе более 2/5) хотят, чтобы их дети и внуки не испытывали этого "комплекса вины", критически относились к законам и, если нужно, не боялись отступать от них, ибо "законные решения редко решают человеческие проблемы". Выжившие в неправовом социальном пространстве предприниматели не только научились, но и уже привыкли утаивать доходы (*"это стало делом чести"*; *"государство сильнее, а бизнес — хитрее"*). Иными словами, отклонение от правовых норм постепенно становится "неписаной нормой" новой системы для представителей самых разных социальных групп, проникает в институты социализации молодого поколения.

6. Воспроизводство "административно-командных" правил игры в новых условиях. Даже если бы провозглашенные реформаторами цели совпадали с реализуемыми ими на практике, элементы инерционности, которые сопутствуют трансформациям любых социально-экономических систем, неизбежно внесли бы определенные коррективы. В самом деле, в современных условиях в "новых" правилах игры нередко легко обнаруживают себя старые - унаследованные от административно-командной системы модели отношений в проблемных ситуациях. Взаимоотношения равноправных субъектов подменяются личными договоренностями (улаживаниями), когда одна сторона "просит", "умоляет", "подносит", а другая - "соизволяет", "делает милость", "повелевает", "постановляет". Показателен в этом отношении опыт бывшего вице-премьера правительства РФ, курировавшего сельское хозяйство, А. Заверюхи. Он на себе испытал все чиновничьи преграды, решив после отставки заняться фермерством: *"4 месяца пришлось потратить, чтобы получить все бумаги. В бытность работы в Москве я знал, что чиновники чинят фермерам преграды, но чтоб такие... Каждый хочет показать, что он тут самый главный"*. Последнюю необходимую подпись у директора хозяйства А.Заверюха получил лишь после того, как прибегнул к физической угрозе²²⁵.

Воспроизводству прежних моделей социально-экономических взаимодействий содействует, в частности, то, что властные элиты в ходе реформ, как известно, в значительной степени сохранили свой состав. Кроме того, состояние производственной, инфраструктурной, финансовой и расселенческой подсистем таково, что они сами являются благоприятствующими факторами для воспроизводства в новых условиях старых (административно-командных) отношений - как на низших²²⁶, так и на верхних уровнях властной иерархии. В настоящее время из 89 регионов 79 – дотационные, что вынуждает губернаторов, как и прежде, приезжать в Москву к распределяющим деньги чиновникам "на поклон"²²⁷.

7. Слабость протестного потенциала рядовых экономических субъектов, столкнувшихся с нарушением формальных "правил игры". Вопреки расхожему мнению о правовой пассивности российских граждан, 66% из их числа все же предпринимали какие-либо действия по восстановлению своих законных прав (против 33% даже не пытавшихся что-либо сделать). Однако у абсолютного большинства из их числа (73%) эти действия *чаще всего* или *всегда* были безуспешными. Успех чаще сопутствовал тем, кто подвергся нарушению своих прав не в вертикальных, а в горизонтальных социальных взаимодействиях. Отстоять же законные права, если их нарушают руководители того или иного уровня, удавалось немногим: только 2-3% респондентов - в случае нарушения права на своевременность выплаты заработной платы или детских пособий; 14% - в случае несправедливого увольнения или угроз увольнения в ответ на попытку заявить о своих законных правах; 8% - в случае несоблюдения руководством законов в области режима, условий труда, техники безопасности. Из числа же пострадавших от незаконных действий органов правопорядка сумели восстановить свои законные права лишь 6%.

Одна из причин пассивности одних и безуспешности правозащитных действий других состоит в том, что субъектами правонарушений в большом числе случаев, как уже говорилось, являются *власти* разных уровней, а противостояние им (даже законное), как не без оснований считают респонденты, либо бесполезно, либо/и небезопасно и может быть сопряжено со многими значимыми потерями, незащищенностью, ростом жизненных препятствий и трудностей. Так, почти 3/4 респондентов уверены в том, что если их законные права нарушит человек, у которого больше власти (чем у них), то отстаивание этих прав еще более ухудшит их положение.

Другая, тесно связанная с этой, причина состоит в том, что в современных условиях очень часто индивиды вынуждены отстаивать свои права самостоятельно, не рассчитывая на помощь тех, в чьей компетенции защищать эти права. В результате 43% из числа пытавшихся восстановить ущемленные права указали, что им никто не помог сделать это, хотя они и нуждались в такой помощи (против 11% самостоятельно отстоявших свои права и заявивших, что они и не нуждались ни в чьей помощи). Вообще, защита своих прав сегодня - дело индивидуально-семейное и часто неформальное. Наиболее массовые помощники – друзья и родственники (26 и 25% соответственно).

Слабость (отсутствие) организованных социальных движений за права человека и работника также вынуждает значительное большинство населения доступными им способами *приспосабливаться* к новой ситуации. Опросы общественного мнения постоянно фиксируют тенденцию к адаптации как *наиболее массовую и наиболее привычную*: "средний", "массовый" человек другого ориентира не имеет даже в условиях самых острых кризисов и катастроф²²⁸.

8. Нестабильность, изменчивость "правил игры", их неформальность. Эта важная черта современного институционального пространства в действительности аккумулирует ряд частных его особенностей. Во-первых, нестабильность *официальных* правил игры, которая связана как с незавершенностью (отлаживанием) перехода к институционально-правовому пространству западного образца, так и с отступлениями от первоначально заявленных "правил игры". Во-вторых, большая роль личной компоненты, которая вносит элемент неопределенности в официальные правила игры и, устойчиво воспроизводясь, становится важным атрибутом современного институционального пространства. В-третьих, развитие неформальных норм трудовых взаимодействий в формальной и теневой экономике.

²²⁵ Аргументы и факты. № 11. 1998. С.6.

²²⁶ Шабанова М.А. Социология свободы: трансформирующееся общество. М.: МОНФ, 2000. С.299-303.

²²⁷ Кто правит Россией? Интервью с С.Собяниным // Аргументы и факты. 1998. №30. С. 4.

²²⁸ Левада Ю.А. 1989-1998: десятилетие вынужденных поворотов // Куда идет Россия?..Кризис институциональных систем: Век, десятилетие, год / Под общ. ред. Т.И.Заславской. М.: Логос, 1999. С.125.

Большая роль личной, неформальной компоненты отчасти объясняется тем, что институциональные реформы осуществлялись верхушкой старой номенклатуры, "партийная закалка" которой обнаруживала себя в решении многих вопросов не по закону, а по прихоти. Власти разных уровней и в новых условиях демонстрировали свою волю, "царственным жестом" идя на незаслуженные уступки одним и воздвигая неоправданные запреты (препятствия) другим. Эта практика сохранялась не только на местах, но и культивировалась сверху. Так, средства массовой информации активно транслировали всесильность Президента, который во время поездок по стране, "мог на капоте какого-нибудь трактора подписать указ о финансировании неизвестного никому заказа, неизвестно из каких ресурсов и неизвестно с какими последствиями"²²⁹.

* * *

Прежде чем продолжить анализ, подытожим главные особенности макроизменений в институциональном пространстве, с которыми столкнулись экономические субъекты микроуровня.

Совершенно очевидно, что, несмотря на *незавершенность* институциональных преобразований, *нестабильность* официальных правил игры и их *нелегитимность* для большей части индивидов, современное институциональное пространство существенно отличается от дореформенного благодаря тем шагам, которые были сделаны по формированию новых экономических и политических институтов. Вместе с тем степень продвижения к институциональному пространству западного образца отнюдь не такова, как могло бы показаться, если судить по формальным признакам тех или иных институтов, которые уже сегодня можно обнаружить в российской действительности. В современном институциональном пространстве многое из того, что официально провозглашалось, отсутствует, в то время как имеется многое из того, что не провозглашалось и с точки зрения долговременных целей реформ является нежелательным.

Главное, пожалуй, состоит в том, что три основных системообразующих института общества - экономика, политика и право - в ходе современных реформ подверглись преобразованиям в неодинаковой степени и неодновременно, и сегодня в самом удручающем положении находится именно право. Его отставание от других институтов не только сказывается на пределах и направлениях трансформации последних, но и снижает возможности больших групп экономических субъектов адаптироваться к новым условиям.

Правовой нигилизм, как принято считать, всегда был присущ российской общественной традиции. "Не я виноват, - писал В.О.Ключевский, - что в русской истории мало обращают внимания на право: меня приучила к тому русская жизнь, не признававшая никакого права"²³⁰. В отличие от западной общественной и научной традиции, где "свобода есть право делать то, что дозволено законами" (Ш.Л.Монтескье), и "мы должны стать рабами закона, чтобы быть свободными" (Цицерон), одной из характерных черт не только российской практики, но и российской мысли, напротив, было отрицательное или пренебрежительное отношение к праву²³¹. Вспомним, что в глазах славянофилов право было "внешней правдой", которая заменяет человеческую совесть полицейским надзором; Герцен рассматривал неуважение к праву как историческое преимущество русского народа, свидетельство его внутренней свободы и способности построить новый мир; русские анархисты считали право, наряду с государством, инструментом прямого насилия; и др.²³² Правовой беспредел царит и в современной реформируемой России. По сравнению с дореформенным периодом разница состоит лишь в том, что расширение свободы слова и права на достоверную информацию о состоянии дел в стране повысили уровень информированности населения о произволе и беззаконии в разных сферах жизнедеятельности и на разных уровнях иерархии. Но даже те, кто поверил, что теперь информирован действительно обо всем, сегодня признает свою правовую беспомощность: "*Мы теперь всё знаем: кто сколько своровал, кто взятку взял, кто войну начал, но знаем и то, что за это никого не наказывают*". Право сильного пронизывает новое институциональное пространство российского общества.

Выделенные особенности современного институционального пространства свидетельствуют о том, что в их формировании участвуют экономические субъекты самых разных уровней. Стремясь реализовать свои цели и интересы, они используют доступные их социальной позиции ресурсы и вносят свою лепту в формирование новых или сохранение старых прав и правил игры. Это связано с тем, что провозглашаемые властями *правовые нормы* - лишь один из элементов социального института или системы социальных институтов. Даже если эти нормы и будут охраняться властями (государственный контроль за соблюдением правовых норм - также важный элемент социальных институтов, который, впрочем, в современных условиях дает огромные сбои), они *всегда* оставляют субъектам микроуровня определенную свободу выбора действий - как в рамках этих правовых норм, так и при выходе (в том числе и безнаказанном) за эти рамки. Поэтому в реальных институциональных сдвигах велика роль еще одного элемента социальных институтов, а именно: неформальных норм и правил, отражающих социокультурные особенности и специфику условий жизнедеятельности самых разных социальных субъектов. Иными словами, отклонение декларированных целей от результатов институциональных преобразований зависит не только (и даже не столько) от реформаторской деятельности правящей элиты, сколько от трансформационной активности субъектов - представителей массовых общественных групп. Роль субъектов микроуровня в институциональных преобразованиях наиболее отчетливо обнаруживается, если обратиться к теории трансформационного процесса Т.И.Заславской²³³.

²²⁹ "Серый кардинал" и его ПАПА. Геннадий Бурбулис вспоминает о годах работы с Борисом Ельциным. Беседовал Дмитрий Макаров // Аргументы и факты. №30. 2000. С.8.

²³⁰ Ключевский В.О. Афоризмы. Исторические портреты и этюды. Дневники. М.: Мысль, 1993. С.68.

²³¹ Валицкий А. Нравственность и право в теориях русских либералов конца XIX - начала XX века // Вопросы философии. 1991. № 8. С. 25-40; Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. Ростов-на-Дону: Феникс, 1995; и др.

²³² Валицкий А. Нравственность и право в теориях русских либералов конца XIX - начала XX века // Вопросы философии. 1991. № 8. С. 25.

²³³ Мы рассмотрим лишь один аспект данной теории - о месте субъектов микроуровня в институциональных переменах. Целостное изложение данной теории см.: Заславская Т.И. Социальный механизм трансформации российского общества // Заславская Т.И. Российское общество на социальном изломе: взгляд изнутри / ВЦИОМ, Моск. высш.школа соц. и экон. наук. М., 1997. С. 283-299; Заславская Т.И. Трансформационный процесс в России: социоструктурный аспект // Социальная траектория реформируемой России: Исследования Новосибирской экономико-социологической школы / Отв. ред. Т.И. Заславская, З.И. Калугина. Новосибирск: Наука. Сиб. предприятие РАН, 1999. С.149 - 167, и др.

3.2 Теория трансформационного процесса о месте субъектов микроуровня в институциональных изменениях

Т.И. Заславская исходит из того, что суть и особенности происходящего в России процесса наиболее адекватно выражает понятие *социальной трансформации общества*. В отличие от *целевого реформирования* обществ, когда сохраняется их типологическая идентичность, в ходе социальной трансформации в конечном счете меняется *социальный тип* общества. Поэтому социальная трансформация общества – более сложный и менее изученный процесс, чем реформирование.

Итак, под *социальной трансформацией* понимается обусловленное внешними факторами и внутренней необходимостью постепенное, не связанное со сменой правящей элиты, но в то же время радикальное и относительно быстрое изменение социального типа общества.

К главным отличительным особенностям трансформации Т.И. Заславская относит:

- направленность на изменение не отдельных частных сторон, а *сущностных* черт, определяющих *социальный тип общества*;
- постепенность и относительно мирный характер протекания;
- неизбежность, длительность и глубину аномии, обусловленной опережением разложения старых социальных институтов по сравнению с созданием новых;
- принципиальную зависимость хода и результатов процесса от деятельности и поведения не только правящей верхушки, но и массовых общественных групп;
- слабую управляемость и предсказуемость процесса, важную роль стихийных факторов его развития, непредрежденность его итогов²³⁴.

Эмпирическим референтом понятия "социальный тип общества" служит "система общественных институтов". В теории Т.И.Заславской тип общества задается качеством следующих *базовых институтов*:

- а) степенью легитимности, демократичности и эффективности власти;
- б) структурой, развитием, легитимностью и защищенностью собственности;
- в) многообразием и зрелостью структур гражданского общества;
- г) шириной и надежностью прав и свобод человека²³⁵.

Как известно, власть и собственность присутствуют в большинстве классификаций базовых социальных институтов. В данном случае они дополняются двумя "не общепринятыми", но, думается, крайне важными для понимания и отслеживания современного трансформационного процесса в России институтами. Ибо одной и той же конфигурации власти и собственности могут отвечать принципиально различные качества структур гражданского общества и прав человека. Можно, например, сильно укрепить исполнительную власть или быстро трансформировать отношения собственности, но сделать это за счет ущемления экономических и политических прав граждан – на основе унаследованных из прежней, административно-командной, системы правил игры. Именно поэтому в теоретической схеме Т.И.Заславской подчеркивается важность *одновременного* присутствия всех этих базовых институтов, преобразование которых рассматривается и прямым результатом, и фактором современного трансформационного процесса.

Непосредственным фактором институциональных изменений служат не столько целенаправленная деятельность элит – ведь, как показывает опыт, деятельность даже опытных реформаторов почти никогда не ведет к намечаемым целям, - и обусловленное ею поведение массовых групп населения, сколько сложные *массовые трансформационные процессы*, концентрирующие итоги *разнонаправленной*, но и *взаимосвязанной* деятельности множества социальных субъектов. Примерами таких многосубъектных процессов могут служить ход приватизации, развитие предпринимательства, распространение безработицы, поляризация доходов, рост трудовых затрат, натурализация семейного потребления, развитие забастовочного движения и др.²³⁶ Массовое поведение оказывает решающее воздействие на трансформацию социальных институтов. Фактически трансформацию любого социального института можно представить как результат устойчивой взаимосвязанной деятельности множества социальных субъектов в соответствующей сфере общественной жизни.

В этом смысле успех реформ зависит от адекватного понимания реформаторами закономерностей протекающих в обществе спонтанных процессов. А для этого необходимо понять, какие субъекты вносят свою лепту в их протекание, каковы интересы и потребности этих субъектов, в каких условиях они действуют, с какими субъектами и по каким правилам чаще всего взаимодействуют при достижении значимых жизненных целей. В трансформационном процессе участвует очень много действующих групп и лиц, наделенных собственной волей и особыми интересами, поэтому в центре теории Т.И. Заславской – *социальный механизм* этого процесса, который "включает субъектов, инициирующих социальную трансформацию общества, содержание их социальных действий, а также взаимосвязь этих целенаправленных действий с массовыми процессами, вызывающими сдвиги в институциональной и социальной структурах общества"²³⁷.

В зависимости от характера влияния на трансформационный процесс *субъекты делятся на три группы*: правящую элиту; социально зрелых и активных представителей массовых общественных групп, в первую очередь средних слоев, и остальную часть общества. Каждая группа по-разному участвует в трансформационном процессе. Правящая элита занята *целевой реформаторской деятельностью* (изменением правовых и административных норм, определяющих "правила игры"). Активные представители массовых общественных групп – *массовой инновационно-предпринимательской деятельностью* (т.е. использованием, развитием, закреплением новых норм и правил). Остальная часть общества оказывает

²³⁴ Заславская Т.И. Трансформационный процесс в России: социоструктурный аспект // Социальная траектория реформируемой России: Исследования Новосибирской экономико-социологической школы / Отв. ред. Т.И. Заславская, З.И. Калугина. Новосибирск: Наука. Сиб.предприятие РАН, 1999. С.149-150.

²³⁵ Там же. С.150.

²³⁶ Заславская Т.И. Социальный механизм трансформации российского общества // Заславская Т.И. Российское общество на социальном изломе: взгляд изнутри / ВЦИОМ, Моск. высш.школа соц. и экон. наук. М., 1997. С. 288 –289.

²³⁷ Там же. С.284,285.

влияние на общественные преобразования через *реактивно-адаптационное поведение*, т.е. выбор и реализацию доступных этим субъектам способов адаптации к изменившимся условиям²³⁸.

В результате, в соответствии с теорией Т.И. Заславской, институциональные перемены реализуются примерно по следующей схеме. В ходе целевой реформаторской деятельности правящей элиты и верхнего слоя бюрократии разрабатываются новые правила игры, эти же группы облачают их в правовую форму и контролируют выполнение формальных правовых норм. Группы, включающиеся в массовую инновационно-предпринимательскую деятельность (предприниматели, менеджеры, чиновники, профессионалы экономической и юридической сфер и др.), реализуют открываемые новыми правилами игры возможности, частично закрепляют, а частично и корректируют проектируемые "верхами" правила игры в направлении собственных интересов. Тем самым они оказывают воздействие не только на реализацию установленных сверху правовых норм, но и на сам процесс формирования новых правил игры²³⁹. Своей инновационной деятельностью эти группы изменяют условия жизнедеятельности и возможности выбора способов адаптации к новым условиям для *массовых* общественных групп, которые непосредственно не причастны к инновационно-предпринимательской деятельности. Пытаясь приспособиться к новым условиям, эти группы с разным успехом апробируют различные способы поведения. Наименее эффективные из них отпадают, а наиболее эффективные – со временем обретают все большее число сторонников, постепенно становятся устойчивым и массовым элементом новой социальной реальности, указывая на трансформацию прежнего институционального пространства.

Таким образом, многочисленные массовые субъекты микроуровня, включенные в адаптационное и реактивно-протестное поведение, также играют важную роль в институциональных изменениях. Только на первый взгляд эти многочисленные общественные группы не оказывают самостоятельного влияния на ход институциональных реформ и являются «скорее их "заложниками", испытывающими "похмелье в чужом пиру". Однако впечатление о малой роли этих групп в трансформационных процессах в известном смысле обманчиво, так как в действительности они формируют отнюдь не нейтральную по отношению к направленности реформ социальную среду. В зависимости от ситуации, эта среда способна либо ускорять и поддерживать институциональные перемены, проектируемые и реализуемые более активными группами общества, либо отчуждаться от них и не принимать в них участия, либо сознательно саботировать выполнение не отвечающих ее интересам правил, активно противодействовать их внедрению, де-факто сохранять прежние или формировать новые нелегитимные правила поведения. Поэтому восприятие проводимых реформ массовыми группами населения, их социальное настроение и поведение служат важнейшими характеристиками трансформационного процесса, во многом определяющими ход и результаты реформ»²⁴⁰.

То место, которое занимают субъекты микроуровня в институциональных изменениях, порождает множество вопросов, на которые нам предстоит ответить, если ставится задача определить закономерности и перспективы институциональных трансформаций. Какие способы адаптации к новым условиям экономические субъекты микроуровня сегодня находят наиболее эффективными? Какие из этих способов в настоящее время получили наибольшее распространение и устойчиво воспроизводятся? Насколько востребованными в этих способах экономического поведения оказываются новые права и правила игры? Какие правила игры, в принципе, сегодня наиболее распространены при реализации как инновационных, так и традиционных адаптационных стратегий? Каким правилам-нормам экономические субъекты микроуровня следуют добровольно, а каким – вынужденно, и будь у них выбор (например, правовая защита со стороны государства, выбор места работы в монофункциональных поселениях, сбережения и др.), не стали бы этого делать? Иными словами, какие правила игры экономические субъекты уже интернализировали, а какие – нет (а без этого невозможна полная институционализация новых правил)? И каково обратное воздействие реализуемых моделей экономического поведения на характер и перспективы институционализации новых прав и неправовых норм в экономическом пространстве?

Итак, нам предстоит рассмотреть двоякого рода связи между экономическим поведением субъектов микроуровня и изменениями институциональной среды. Во-первых, необходимо выявить, как сказываются происшедшие институциональные изменения на тех экономических решениях, которые чаще всего принимают домохозяйства и индивиды, стараясь адаптироваться к новым условиям (будь то: распоряжения своими доходами, сбережениями, трудом или временем)? Каковы институциональные и неинституциональные факторы и институциональные и неинституциональные ограничения их выбора? А во-вторых, одновременно мы будем пытаться определить вклад экономических субъектов микроуровня в институциональные перемены.

3.3 Современный адаптационный процесс и проблемы институционализации новых прав и правил игры

3.3.1 Типология микросубъектов в зависимости от уровня и результативности адаптации

Поскольку новое институциональное пространство, как мы видели, таково, что делает стремление экономических субъектов низшего уровня (и индивидов, и домохозяйств) адаптироваться к нему пусть и вынужденным, но единственно эффективным и универсальным стремлением, а результаты адаптации, в свою очередь, в значительной степени скажутся на глубине и перспективах институциональных перемен в последующем, то характер адаптированности к новым условиям в данном случае становится одним из центральных вопросов. В зависимости от уровня и результативности адаптации (динамики значимых возможностей за годы реформ) объединим субъекты микроуровня в три основных типа.

²³⁸ Заславская Т.И. Трансформационный процесс в России: социоструктурный аспект // Социальная траектория реформируемой России: Исследования Новосибирской экономико-социологической школы / Отв. ред.. Т.И. Заславская, З.И. Калугина. Новосибирск: Наука. Сиб. предприятие РАН, 1999. С.149, 153-154.

²³⁹ Заславская Т.И. Поведение массовых общественных групп как фактор трансформационного процесса // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2000. № 6. С.16. Заславская Т.И. О роли социальной структуры в трансформации российского общества // Куда идет Россия?.. Власть, общество, личность / Под общ. ред. Т.И.Заславской. М.: 2000. С.223.

²⁴⁰ Заславская Т.И. О роли социальной структуры в трансформации российского общества // Куда идет Россия?.. Власть, общество, личность / Под общ. ред. Т.И.Заславской. М., 2000. С. 223-224.

1. **"Прогрессивные адаптанты"** - так назовем тех, кто в новых условиях уже обрел более или менее надежные способы решения (смягчения) жизненных проблем, причем эти способы таковы, что улучшают возможности индивидов жить наиболее подходящим для них образом. Иными словами, они уже воспользовались преимуществами нового институционально-правового (и/или неправового) пространства, и адаптация к нему принесла им больше приобретений, чем потерь. Среди респондентов трудоспособного возраста в крупном городе – их 18%, в разных сельских районах – от 7 до 22%.

2. **"Регрессивные адаптанты"** - сегодня также более или менее справляются со своими проблемами, но те способы решения (смягчения) жизненных проблем и трудностей, которыми они овладели, позволяют освоиться с новыми условиями лишь регрессивно, то есть с превышением совокупного "значимого минуса" над совокупным "значимым плюсом" (иными словами, значимых потерь над значимыми приобретениями). В сельской местности это пока самый многочисленный тип адаптантов - 57% и более. В тех сельских районах, где он был относительно малочисленным (16-17%), он "уступал" своих представителей только "регрессивным НЕадаптантам". В крупном городе этот тип, хотя и не охватывает абсолютного большинства, но также наиболее наполнен – 29% трудоспособного населения.

3. **"Регрессивные НЕадаптанты"** - у представителей этого типа в настоящее время нет надежных способов преодоления (смягчения) жизненных проблем и трудностей, они не знают, как жить в тех условиях, в которых очутились сегодня (и тем более окажутся завтра). Разумеется, их возможности жить так, как они сами считают наиболее подходящим для себя образом, за годы реформ уменьшились. Среди респондентов трудоспособного возраста "регрессивных НЕадаптантов" в городе - 18%, в сельской местности – 17% и более в Новосибирской области и 56% - на Алтае.

Постепенно нарастает доля затруднившихся оценить динамику своих возможностей за годы реформ независимо от уровня адаптированности к современным условиям: в крупном городе она сегодня достигает 16%. В основном – это вступающая в трудоспособный возраст молодежь, которая не имеет исходной точки для сравнения: *"не помню то время"*, *"я еще учился в школе"*, *"в школьные годы над этим особо не задумываешься"*, *"затрудняюсь, я был молод и романтичен"*, *"плохо помню ту жизнь"*, *"мне не с чем сравнивать"* и др. Весьма многочисленна и доля индивидов, сохранивших статус-кво (14% - в городе, 9% - в селе), которых, как и группу затруднившихся с оценкой динамики своих возможностей, здесь рассматривать не будем.

С точки зрения выявления степени и перспектив институционализации новых правил игры, а также институциональных факторов и ограничений при принятии индивидами экономических решений представляется важным акцентировать два аспекта.

Первый - выделенные типы субъектов микроуровня значительно различаются по оценке актуальности новых прав. Среднее число прав, которые нашли важными "прогрессивные адаптанты", равнялось 5,6 (против 3,5 в каждом из "регрессивных" типов). По среднему же числу недостающих прав они, напротив, уступают другим типам (4 против 6-7). Так что происшедшие за годы реформ изменения в институционально-правовом пространстве большинство "прогрессивных адаптантов" (93%) находят благоприятными для себя и ни от каких новых прав взамен возвращения старых отказываться не готовы (77%). Примечательно, что в среднем каждый представитель этого типа уже воспользовался тремя новыми правами (против 1,4 - 1,7 в регрессивных типах).

Второй - неправовое социальное пространство "прогрессивных адаптантов" коснулось в гораздо меньшей степени: многие из них полагают, что в современных условиях их шансы на защиту важных прав даже выше, чем до реформ (41% против 3-5% в регрессивных типах). Во всяком случае, по их мнению, отстаивание своих прав, дело хотя и хлопотное, но не безнадежное (75%). Только 16% считают, что сегодня их права нарушаются чаще, чем до реформ (против 59 и 67% у регрессивных адаптантов и НЕадаптантов).

В целом значимое социальное пространство в современных условиях они в большинстве случаев (62%) рассматривают, как "препятствующее", по крайней мере, не более чем дореформенное: 31% считает, что современные ограничители преодолевать легче (против 20 и 13% у регрессивных адаптантов и НЕадаптантов), для стольких же и те и другие одинаково трудно преодолемы (против 24 и 14%), и только 12% называет легче преодолемыми дореформенные ограничители (против 49 и 67% в регрессивных типах).

Правда, *добровольные* адаптации в данном типе, хотя и превосходят все остальные типы (15% против 2-3%), все же характерны для меньшинства. В механизмах социальной адаптации большинства (63%) есть как добровольные, так и вынужденные элементы ("и того, и другого примерно одинаково"), против 27 и 15% в регрессивных типах. Практически каждый пятый (22%) адаптируется к новым условиям преимущественно вынужденно, только потому, что не в его силах изменить ситуацию (против 69-83% в других типах). Однако вынужденные механизмы адаптации представителей этого типа к новым условиям не мешают ей складываться в целом конструктивно и расширять индивидуальные возможности в значимых сферах жизнедеятельности. Такое соотношение между механизмами и результатами адаптационного процесса подкрепляется не только сиюминутными преимуществами, которые данная группа смогла извлечь из новых условий, но и оптимизмом относительно будущего. Основная часть (61%) прогрессивных адаптантов убеждена в преимуществах нового по сравнению со старым (*"а трудности есть везде и всегда"*). Еще 37%, хотя пока до конца не уверены в преимуществах нового, все же надеются на лучшее.

Прежде чем продолжить исследование, необходимо договориться о том, кто же из экономических субъектов низшего уровня – раз речь идет об их *институциональном* анализе - будет выступать единицей анализа: домохозяйство или/и индивид?

3.3.2 Домохозяйство и индивид: выбор единицы анализа

Разные типы домохозяйств способны извлечь разные преимущества от институциональных преобразований (формальных и неформальных, правовых и неправовых) и могут в разной степени влиять на их ход, равно как и избегать неблагоприятных последствий. Они в разной степени включены в рыночную экономику. Так что принадлежность к тому или иному типу домохозяйства значимым образом сказывается на экономических возможностях и решениях индивида. Но означает ли это, что в случае институционального анализа экономических субъектов низшего уровня достаточным является уровень домохозяйств?

Перспективы интернализации новых правил игры, без чего невозможна их полная институционализация, в значительной степени определяются сравнительной ценностью для *индивидов* прав новых и старых, обретенных и утраченных. Результаты такого сравнения оказались более сильно связанными с уровнем адаптированности *индивидов* к новым условиям, чем даже динамика материального положения *домохозяйства* за годы реформ и вклад конкретного индивида в его изменение (коэффициенты Крамера соответственно составили 0,543; 0,488; 0,486).

В то же время разные типы *домохозяйств* играют неодинаковую роль в популяции разных типов адаптирующихся к новым условиям *индивидов*. Наиболее сильная связь (коэффициент Крамера = 0,488) наблюдается с типами домохозяйств, выделенными по динамике их экономических возможностей за годы реформ. В соответствии с этой типологией все домохозяйства делятся на три основных типа: *нисходящие* (главное для них - выживание, они с трудом удовлетворяют даже минимальные потребности, и до того жизненного уровня, какой был до реформ, им пока далеко) – 48%; *стабильные* (им удается сохранять прежний уровень жизни, все усилия направлены на его поддержание) – 40% и *восходящие* (сохранение прежнего жизненного уровня не составляет проблемы, сегодня они стремятся его повысить) – 12%. Оказалось, что в современных условиях среди *прогрессивных адаптантов* доля индивидов из *восходящего* и *стабильного* на материальной оси типов *домохозяйств* составила соответственно 41 и 48%, в то время как среди *регрессивных адаптантов* – 3 и 37% (против 0 и 10% у *НЕадаптантов*).

Профессионально-должностной статус домохозяйства (по члену семьи, который занимает самую высокую должность) и *отраслевой статус домохозяйства* (по члену семьи, который занят в относительно более преуспевающей отрасли), а также *статус домохозяйства по степени включенности в рыночную экономику* играют важную, но менее значимую роль (коэффициенты Крамера составили соответственно 0,323; 0,359; 0,222). Хотя, разумеется, при прочих равных условиях индивиды из домохозяйств с более высоким профессионально-должностным статусом или из домохозяйств более преуспевающего отраслевого типа имеют более широкий спектр выбора как на рынке потребительских товаров, так и на рынке труда. А разные профессионально-должностные и отраслевые типы домохозяйств обнаруживают неодинаковую интенсивность попадания в восходящие и нисходящие на экономической оси домохозяйства.

Так, домохозяйства-"руководители" в большинстве случаев (74%) либо сохранили свой жизненный уровень на прежнем уровне (45%), либо повысили его (29%), в то время как домохозяйства-"квалифицированные рабочие" и домохозяйства-"неквалифицированные рабочие" чаще всего его понижали (в 61 и 69% случаев соответственно). По вкладу в формирование "восходящего" на экономической шкале типа домохозяйства руководители превосходят домохозяйства специалистов в 1,9 раза (39 против 21%), домохозяйства квалифицированных рабочих – в 2,6 раза (15%), а домохозяйства неквалифицированных рабочих – в 28 раз (1, 4%). В целом динамика экономических возможностей *домохозяйств* чуть более сильно связана с их профессионально-должностным статусом (по члену семьи, который занимает самую высокую должность), чем с профессионально-должностным статусом *индивида* (коэффициент Крамера 0,240 и 0,222 соответственно).

В отраслевом разрезе лидируют домохозяйства, где имеются занятые в финансово-кредитной сфере. В большинстве случаев (93%) за годы реформ они либо сохранили свой жизненный уровень неизменным (42%), либо его повысили (51%). Стабильен материальный статус домохозяйств, где имеются занятые в управлении (70% из числа этих домохозяйств его сохранили, 10% - повысили). А вот отраслевые типы домохозяйств, члены которых заняты в промышленности, строительстве, городском транспорте, жилищно-коммунальном хозяйстве, здравоохранении, просвещении, культуре, органах правопорядка, в большинстве случаев понизили свой экономический статус (от 51 до 62%).

Итак, индивиды из более благополучных в экономическом отношении типов домохозяйств при прочих равных условиях имеют больше возможностей для распоряжения своими усилиями и временем, будь то создание своего дела или, напротив, работа по любимой, но мало оплачиваемой специальности. В нашем случае особенно важно, что они в большей степени ценят провозглашенные в ходе реформ социально-экономические и политические права, чаще интернализируют их, чем индивиды из нисходящих в экономическом отношении домохозяйств. Ибо "права человека немногочисленны, если они не подкреплены минимальным уровнем благосостояния"²⁴¹. Профессионально-должностной и отраслевой типы домохозяйства также сказываются на шансах его попадания в восходящие или нисходящие на экономической оси типы, а также на экономических возможностях и уровне адаптированности *индивидов* к новым условиям.

Но означает ли сказанное выше, что единицей институционального анализа экономических субъектов низшего уровня должно стать *домохозяйство*? Думается, что нет. Влияя на экономические возможности и решения индивида, домохозяйство является *необходимой, но не достаточной* единицей анализа. В действительности в принятии экономических решений индивиды чаще всего обладают относительной независимостью от типа домохозяйства. Они не меняют работу и не используют незаконных способов адаптации к новым условиям, даже если их домохозяйство относится к регрессивным, а семья разрушается (так, 53% индивидов из нисходящего на экономической оси типа домохозяйств за годы реформ ни разу не меняли профессию, в то время как в восходящем типе таких было гораздо меньше - 34%). Они отстаивают свои экономические права, конфликтуя с начальством, даже если это и грозит потерей работы и снижением экономического статуса домохозяйства ("*меня это не остановит*"). Они благословляют детей обучаться своей специальности ("*идти по стопам родителей*", пусть и "*воспроизводя бедность*") в надежде на будущие изменения к лучшему ("*когда-нибудь общество воздаст по заслугам врачам, учителям, ученым, ведь без них нельзя*"). Они мало отдыхают и много работают (и зарабатывают) даже тогда, когда у домохозяйства нет в этом потребности, ибо другие его представители устойчиво обеспечивают хороший экономический тыл. Наконец, в каждый момент времени статус *домохозяйства* (экономический, профессионально-должностной, отраслевой, рыночный или какой-либо еще) сам по себе в значительной степени является результатом реализованных экономических стратегий *индивидов* в предшествующий период времени, их ценностных предпочтений, отношения к новым правам, правилам игры, активности или пассивности в меняющихся условиях и др.

Как показали эмпирические исследования, на уровень и результативность адаптации к новым условиям профессионально-должностной, отраслевой и материальный статусы *индивида* оказывают не менее сильное воздействие (коэффициенты Крамера 0,332, 0,399 и 0,486), чем профессионально-должностной, отраслевой и материальный статусы его *домохозяйства* (коэффициенты Крамера 0,323, 0,359 и 0,488). Кроме того, самую сильную связь с уровнем и

²⁴¹ Элстер Й. Влияние прав человека на экономическое развитие // Российский бюллетень по правам человека. Проектная группа по правам человека. М., 1994. Вып. 4. С.6.

результативностью адаптации к новым условиям обнаруживают вовсе не эти статусные особенности индивидов или домохозяйств. И не уровень специального образования или возраст индивидов. Наиболее сильна связь с оценкой индивидом характера изменений в системе значимых прав за годы реформ (0,543), а также тесно связанными с нею оценками изменений в статусе "хозяина своей судьбы" (0,519) и степени удовлетворенности изменением уровня самостоятельности за годы реформ (0,409). Велика роль оценки преимуществ нового по сравнению со старыми, включая надежду на лучшее будущее (0,493), и тех изменений в институционально-правовом статусе индивида, которые связаны с динамикой шансов на защиту важных для него прав за годы реформ (0,412). Результаты этих оценок аккумулируют не просто динамику институционально-правовых (и неправовых) возможностей индивида (усиленную или ослабленную статусом его домохозяйства), а динамику *значимых* возможностей, т.е. возможностей, пропущенных через сито ценностно-нормативной системы *индивида*.

В принципе, выбору единицы институционального анализа экономических субъектов низшего уровня должно было бы предшествовать изучение механизмов принятия экономических решений внутри домохозяйств. Какие решения члены домохозяйства принимают чаще всего коллективно, а какие – индивидуально; как часто и в каких случаях индивиды идут наперекор интересам других представителей домохозяйства; какие индивиды идут, а какие – нет? Какие изменения в механизмах принятия экономических решений, в степени сплоченности (разобщенности) домохозяйств происходят в ходе реформ? К сожалению, на этом этапе исследования подобная информация у нас отсутствует.

Однако сказанного выше, думается, достаточно, чтобы заключить, что для понимания стратегий экономических субъектов низшего уровня в новом институциональном пространстве необходимо вести анализ и на уровне домохозяйств, и на уровне индивидов. На уровне домохозяйств – в тех случаях, когда необходимо выявить институциональные факторы и ограничения потребительского или финансового поведения, где "сильные" решения членами домохозяйства чаще всего принимаются коллективно. На уровне индивида – когда исследуются проблемы институционализации новых экономических прав, воспроизводства неправовых норм в современном экономическом пространстве; в значительной степени – при анализе институциональных факторов и ограничений поведения экономических субъектов на рынке труда, в сфере занятости и др. В целом же, думается, что в случае *институционального* анализа (в отличие от анализа сугубо микроэкономического) чаша весов все же больше склоняется в пользу индивида, чем домохозяйства. В этом случае домохозяйство выступает в качестве фактора или ограничителя экономических решений индивида. Фактора (ограничителя) – важного, но не единственного.

3.3.3 *Массовые адаптационные стратегии и проблемы институционализации новых прав и правил игры*

Успешность адаптации к новым условиям, с одной стороны, свидетельствует об успешности освоения экономическими субъектами низшего уровня нового институционального пространства, а с другой – является залогом устойчивости и дальнейшего углубления процесса институционализации новых прав и правил игры. Поэтому для определения социального потенциала институциональных реформ, который сегодня имеется в российском обществе, необходимо прежде всего выявить различия в адаптационных стратегиях разных типов адаптантов, оценить внешние и внутренние факторы (и ограничения) при принятии ими экономических решений, а также институциональные условия и перспективы расширения числа прогрессивных адаптантов.

Прежде всего, отметим, что в динамике затрачиваемых усилий в новых условиях по сравнению со старыми между прогрессивными и регрессивными типами адаптирующихся сегодня много общего. В большинстве случаев трудовые усилия возросли как у тех, так и у других. Так, более половины "*прогрессивных адаптантов*", "*регрессивных адаптантов*" и "*НЕадаптантов*" (56, 64 и 65% соответственно) за последние 3-4 года стали больше работать по месту основной работы; 14, 10 и 9% соответственно – работают в нескольких местах; велика доля лиц, использующих любую возможность подзаработать (41, 39 и 49% соответственно). Однако между этими группами немало и отличий. За последние 3-4 года "*прогрессивные адаптанты*" гораздо чаще, чем представители регрессивных типов, повышали квалификацию (33% против 14-16%), обучались другой профессии/специальности (19% против 5-8%), переходили на работу в частную фирму или к частному лицу (15% против 4-5%), создавали и расширяли свое дело (13% против 0). В это время "*регрессивные адаптанты*" и "*НЕадаптанты*" больше трудились на садово-огородном участке, в личном подсобном хозяйстве (25 и 36% против 12% у "*прогрессивных адаптантов*"), они чаще увеличивали нагрузку на основной работе.

Иными словами, успешность адаптации к новым условиям связана с различиями не столько в *объеме* трудовых усилий, сколько в *стратегиях* реализации *возросших* трудовых усилий. Увеличение трудовых затрат у "*прогрессивных адаптантов*", даже если оно и происходило по месту основной работы, чаще было сопряжено с активным освоением *нового* профессионального и нетрадиционного социального пространства (повышением квалификации, переобучением, сменой места работы, созданием своего дела и др.). Экономические субъекты из регрессивных типов чаще увеличивали свои усилия в *традиционном* профессиональном и социальном пространстве: работа по прежней профессии, с прежней квалификацией, не в частных структурах, возрастание занятости на садово-огородном участке и личном подсобном хозяйстве. Не случайно поэтому абсолютное большинство "*регрессивных адаптантов*" и "*НЕадаптантов*" (78 и 90%) указали, что за годы реформ у них стало больше жизненных трудностей и препятствий, которые им преодолеть пока не под силу (против 30% у "*прогрессивных адаптантов*"), а основная их часть (49 и 67%) считает, что дореформенные жизненные трудности и ограничения легче было преодолевать, чем современные (против 12% - у "*прогрессивных адаптантов*"). Воспроизводство *прежних* моделей трудового поведения, несмотря на рост трудовых усилий в формальной и неформальной сферах, зачастую не позволяет им удержаться на плаву, не дает извлечь каких-то значимых преимуществ от новых условий.

Другим дифференцирующим фактором являются различия между "*прогрессивными*" и "*регрессивными*" экономическими субъектами в *ценностно-нормативном отношении*. Частично они, разумеется, уже нашли отражение в отмеченных различиях в стратегиях трудового поведения. Здесь же имеются в виду различия в сравнительной *важности прав новых и старых*, а также в допускаемых *способах* достижения значимых жизненных целей в меняющемся институциональном пространстве.

"Прогрессивные адаптанты" придают гораздо большую значимость провозглашенным в ходе реформ социально-экономическим и политическим правам, чем представители регрессивных типов (см. табл. 3.1). Особо велики различия между ними в отношении той важности, которая отводится праву на создание своего дела, частной собственности на

средства производства и жилье, праву самому решать, работать или не работать, а хозяйствующим субъектам – самим определять объемы производства, цены на продукцию и размеры заработной платы. Существенны различия и в той значимости, которая придается возможности уехать за границу и беспрепятственно вернуться, а также выражать свои взгляды по любым вопросам, отстаивать свои убеждения и др.

Таблица 3.1

**Актуальность провозглашенных в ходе реформ прав,
% к респондентам данного типа (N=602)**

Права	"Прогрессивные адаптанты"	"Регрессивные адаптанты"	"Неадаптанты"	Все респонденты
Создать свое дело	64	20	18	36
Частная собственность на землю	32	23	22	29
Частная собственность на другие средства производства	30	10	9	17
Самому решать, работать или не работать	36	21	22	26
Работать в нескольких местах без разрешения с основной работы	46	41	40	42
Производителям самим определять размеры производства, цены на продукцию, размеры зарплаты	28	20	14	22
Приватизация квартиры, купля-продажа жилья	64	49	51	58
Получить хорошую медицинскую помощь на платной основе	35	22	18	28
Платное образование	8	5	5	10
Свобода выбора места жительства, перемещений по стране	36	27	34	36
Уехать из страны и беспрепятственно вернуться	57	24	32	38
Забастовки, митинги, акции протеста	12	14	17	13
Свобода выражать свои взгляды	52	34	33	39
Достоверная информация о состоянии дел в стране	43	36	40	41
Свободное вступление в разные партии, движения, союзы	16	8	11	10
Новые права не нужны	0	17	25	11

Различия в значимости, которая придается новым правам, в свою очередь, отражают различия в пространстве значимых жизненных возможностей экономических субъектов, а также различия в полезности, придаваемой новым правам и правилам игры для продвижения в этом пространстве в современных условиях. Как видно из содержания провозглашенных в ходе реформ прав, они по природе своей предполагают включение индивидов в *самостоятельные и независимые действия и состояния*. Поэтому степень и перспективы интернализации и институционализации новых прав будут существенно определяться местом самостоятельности и независимости в значимом жизненном пространстве экономических субъектов в современных условиях, будь то: *самоценность* подобных действий и состояний или признание их более эффективным способом (по сравнению с менее самостоятельными и более зависимыми социальными действиями и состояниями) достижения действительно важных в данный момент целей (ценностей).

На первом месте по частоте упоминания в значимом жизненном пространстве - и у "прогрессивных", и у "регрессивных" экономических субъектов – возможность улучшить материальное положение семьи (65 и 82-85% соответственно) и стабильность жизни, дающая уверенность в завтрашнем дне (61 и 73-75%). Однако если "прогрессивные" экономические субъекты в большинстве случаев (60%) добавляли сюда еще и самостоятельность, возможность занять такие позиции в обществе, которые позволяют быть хозяином своей судьбы, рассчитывать на свои силы и инициативу, то "регрессивные адаптанты" и "НЕадаптанты" включали эту ось в значимое жизненное пространство значительно реже (28 и 22% соответственно).

Самостоятельные и независимые социальные действия и состояния вообще в большинстве случаев лежат пока за пределами значимого жизненного пространства. Возможность быть самостоятельным, рассчитывать на свои силы и инициативу, быть хозяином судьбы среди важнейших назвали лишь 36% респондентов – горожан трудоспособного возраста, а возможность противодействовать несправедливым действиям руководства вообще оказалась на предпоследнем месте, набрав всего 9% голосов. Примечательно, что в сельской местности наблюдалась аналогичная картина (33 и 6% соответственно). Относительно невысокая значимость самостоятельности и независимости – даже на фоне демонстрируемой лояльности экономических субъектов к либеральным правам, - сама по себе уже указывает на то, что при сохранении нынешних условий эти права еще долго будут занимать второстепенное место в значимом жизненном пространстве индивидов или же вообще находиться за его пределами.

На втором месте как у "прогрессивных", так и у "регрессивных" микросубъектов, – возможность получить (или дать детям) хорошее образование (51 и 56–58% соответственно) и работать по подходящей профессии, специальности (50 и 55–57%). На третьем месте – безопасность жизни (42 и 41–50%) и улучшение жилищных условий (44 и 35–46%), которые у "регрессивных" экономических субъектов дополнялись возможностью получить хорошую медицинскую помощь (47–54%), а у "прогрессивных" - трудовой самореализацией, работой в полную силу, реализацией способностей (44% против 31–35 % у "регрессивных").

Таким образом, в значимом жизненном пространстве экономические субъекты из регрессивных типов относительно чаще делают акцент на материальной, образовательной и медицинской осях, а также оси стабильности жизненных позиций. Отличительная особенность "прогрессивных адаптантов" – в той важности, которую они отводят осям самостоятельности и трудовой самореализации, то есть изменениям в возможностях *социального действия* в новых условиях со старыми. Примерно в равной мере обе группы принимают во внимание профессиональную, жилищную ось и ось безопасности.

А вот многие из в принципе значимых для индивидов возможностей не попали в группу важнейших и находятся сегодня на обочине значимого жизненного пространства. Так обстоит дело с возможностью поступать по своим моральным принципам, убеждениям (22% у "прогрессивных" и 10-12% у "регрессивных"), возможностью отстаивать свои права законными способами (20 и 14-19%), противодействовать несправедливым действиям руководства, быть независимым от них (3 и 9-18%), открыто отстаивать свои взгляды и убеждения (13 и 6-12%), регулярно ездить в другие поселения на отдых, к родным (9 и 16-21%), мигрировать (9 и 1%) и др. Периферийное место этих возможностей в значимом жизненном пространстве индивидов определяет относительно неблагоприятные перспективы институционализации и интернализации многих провозглашенных в ходе реформ неэкономических прав.

Что касается социально-экономических прав, то, судя по тому, что ядро значимого жизненного пространства индивидов приходится на пространство социально-экономическое, их шансы на интернализацию и институционализацию, в принципе, выше, чем у остальных прав, хотя при одном "но". Эти шансы реализуются только в том случае, если указанные права и предполагаемые ими новые правила игры будут облегчать продвижение экономических субъектов в *значимом* для них отношении или/и предоставлять им ранее неведомые значимые возможности. Как часто обращаются к провозглашенным в ходе реформ правам экономические субъекты низшего уровня, пытаюсь достичь значимых для себя целей в новом институциональном пространстве?

В реальной жизни к новым правам обратилась пока относительно небольшая часть социальных субъектов. "Пик" приходится на приватизацию (30% в городе, 36% - в селе) или покупку жилья (10% - в городе, 3% - в селе). На возможность работы на предприятии, которое само определяет объемы производства (что, впрочем, мало зависит от их выбора), указали 31% респондентов. В частное лечебное учреждение или к частному врачу обращались 21% респондентов. Столько же считают, что получают более полную информацию о состоянии дел в стране, в своем поселении (в селе таких 10%). Еще 16% городских жителей свободно, не опасаясь наказания, выражают и отстаивают свои убеждения (в селе их в два раза меньше - 8%); 13% работают (работали) в нескольких местах без разрешения с места основной работы (в селе - 2%). Использование остальных новых прав, как правило, не превосходило 10%-ного барьера. Примечательно, что доля участвовавших в забастовках (3%) и подписывавших воззвания против тех или иных решений властей (4%) в городе и селе примерно одинакова. Однако в городе гораздо шире распространены иные формы протестных действий: митинги, акции протеста (7%). Вступление в добровольные объединения, движения, партии наблюдалось в единичных случаях в городе и совсем не обнаружилось в селе. Одинакова доля городских и сельских жителей, которые имеют (или имели) собственное дело - 5%.

Таким образом, степень активного погружения в новое институционально-правовое пространство сегодня невелика. Конечно, она выше у "прогрессивных адаптантов", чем у "регрессивных". Первые, как уже отмечалось, чаще реализовывали право на создание собственного дела (13% против 0-2%) и работу в нескольких местах без разрешения с места основной работы (26% против 8-10%). Они чаще приватизировали ранее имевшуюся квартиру (38% против 20-29%). Имея более высокий материальный статус, они чаще покупали квартиры (19 против 4-7%), ездили за границу (24 против 1%), учились сами или обучали детей в платном учебном заведении (16 против 2-4%), обращались в частное лечебное учреждение или к частному врачу (45 против 8-11%). Наконец, они чаще, чем "регрессивные адаптанты" и "НЕадаптанты", воплощали в жизнь право свободно, не опасаясь наказания, выражать свои взгляды, отстаивать убеждения (27 против 7-10%) и др.

Однако эти различия между типами не нарушают общей тенденции: в современных условиях повсеместно все права, по существу, реализуются в гораздо меньшей степени, чем можно было бы ожидать исходя из заявленной их значимости. Так, возможность работать на предприятии, которое само определяет объемы производства, цены, зарплату, реализовали 43% городских жителей трудоспособного возраста из числа тех, кто находит это право важным. Работают (работали) в нескольких местах без разрешения с места основной работы 24% из числа тех, кто указал на это право как на значимое; 13% - имеют (имели) собственное дело (в селе - 21%). Приобрели в частную собственность земельный участок 20% из числа назвавших это право значимым. Относительно многочисленна и доля тех, кто приватизировал квартиру, - 39% из числа тех, кто находит это право важным. Ровно столько же обращалось к тем или иным формам протестных действий (забастовки, митинги, акции протеста, подписи воззваний). Не опасаясь наказания, свободно выражают существенное для них право на свои убеждения 31% респондентов. Получают более полную и достоверную информацию о состоянии дел в стране, в своем поселении 25% из числа тех, кто указал на это право как на важное. Обратились к частному врачу 32% из числа тех, кто отнес к значимым право на хорошую платную медицинскую помощь. Учатся сами или учат детей в платном учебном заведении, на контрактной основе 23% из тех респондентов, для которых это право важно.

Правда, есть два экономических права, реализуемых гораздо большим числом лиц по сравнению с тем, кто находит эти права важными: возможность работы на предприятии, которое само определяет объемы производства, цены, зарплату; а в селе - возможность приватизировать жилье. В самом деле, для наемных работников право руководителей предприятий самостоятельно регулировать размеры зарплаты сегодня нередко оборачивается полным бесправием по отношению к начальству. А приватизация жилья в селе в большом числе случаев была вынужденной: селян заставили приватизировать квартиры в совхозных домах, эти квартиры (дома) сняли с обслуживания, возникшая же при этом "собственность" не ликвидна: уезжая, ее не продашь. В этих случаях включение в новое институционально-правовое пространство не сказывалось благоприятным образом на динамике значимых жизненных возможностей индивидов и их домохозяйств, а потому и не ценится ими.

В целом только 9% (как в городе, так и в селе) из числа тех, кто нашел те или иные провозглашенные в ходе реформ права важными, уже воспользовались всеми ими. Почему же не воспользовались важными для них правами остальные?

Одни (19%) - просто еще не успели и отмечают, что для осуществления значимых для них новых прав сегодня, в принципе, нет особых препятствий (среди "прогрессивных адаптантов" таких 39%, среди "регрессивных адаптантов" и

"НЕадаптантов" – 12 и 4%). Другим помешал возраст, состояние здоровья, семейные обстоятельства (9%), а также недостаток знаний, опыта, внутренняя неготовность (16%).

В то же время велики барьеры и ограничения на пути к новым правам, зависящие от внешней среды. Каждый четвертый респондент не воспользовался важными правами потому, что они существуют лишь "на бумаге", в действительности же пока нет условий для их реализации; 26% не могут реализовать новые права потому, что пока нет надежных механизмов защиты их интересов со стороны государства. Причем менее сильные "регрессивные" типы нуждаются в таких механизмах в 1,5–1,6 раза чаще, чем "прогрессивные". На первое же место (46%) все типы экономических субъектов ставят отсутствие возможностей реализовать новые права из-за недостатка (отсутствия) у них нужных денежных накоплений, возможностей взять кредит и др. Среди "прогрессивных адаптантов" этот ограничитель назвали 29%, а среди "регрессивных адаптантов" и "НЕадаптантов" – соответственно 42 и 49%.

Важно отметить, что данный ограничитель сам в значительной степени порожден теми правилами игры, которые реализовывали реформаторы и которые неоднократно приводили к утрате экономическими субъектами их личных сбережений, нарушению права на своевременность выплаты заработной платы. С последним, в частности, столкнулись 85% "НЕадаптантов", 74% "регрессивных адаптантов" и 51% "прогрессивных адаптантов".

Другая причина, обусловившая низкую доступность новых прав, равно как и социоструктурные различия в степени их доступности, связана с особенностями институционально-структурной политики реформаторов. Ее следствием явились, в частности, большие различия между "прогрессивными" и "регрессивными" типами экономических субъектов по отраслевой принадлежности места работы, а также профессионально-должностному статусу. Не случайно отличительная особенность "прогрессивных адаптантов" – высокая доля занятых в финансово-торговой сфере (31%). Если в других типах в сфере финансов не занят никто, то здесь – почти каждый пятый (18%). По доле занятых в торговле (13%) он также обгоняет другие типы: в 1,6 раза "регрессивных адаптантов" и в 4,3 раза – "регрессивных НЕадаптантов". А вот доля занятых в промышленности здесь наименьшая (12%) и уступает регрессивным типам соответственно в 2,5 и 3,4 раза. Почти каждый четвертый "прогрессивный адаптант" – руководитель, а каждый третий – специалист. Причем по доле руководителей в своем составе они намного превосходят регрессивные типы: почти в 2 раза "регрессивных адаптантов" и в 8 раз "регрессивных НЕадаптантов". По доле специалистов превышение – в 1,5 раза. Доля рабочих здесь, напротив, минимальна: неквалифицированных – почти нет, а квалифицированных – лишь 14%, что в 3,2 - 3,7 раза меньше, чем в регрессивных типах.

В меняющемся обществе глубина приверженности новым правам и правилам игры в значительной степени определяется сопоставлением их с правами утраченными, с правами, которых сегодня индивидам не хватает. В настоящее время экономические субъекты всех типов, и в особенности регрессивных, активно демонстрируют нехватку ряда социально-экономических прав, многие из которых у них имелись в дореформенный период (см. табл. 3.2).

Таблица 3.2

**Значимые права, которых в современных условиях не хватает,
% к респондентам данного типа (N=602)**

Права	"Прогрессивные адаптанты"	"Регрессивные адаптанты"	"НЕадаптанты"	Все респонденты
Гарантированная государством занятость, отсутствие угрозы безработицы	42	62	66	58
Гарантированный государством доход в размере прожиточного минимума	15	36	43	32
Гарантированный государством доход, обеспечивающий достойный уровень жизни	56	71	78	67
Своевременность выплаты заработной платы, пенсии, пособий	51	74	85	68
Право на стабильные цены, устанавливаемые государством	38	66	73	59
Бесплатная медицинская помощь	21	69	76	55
Бесплатное образование	24	58	60	50
Защита законных прав органами правопорядка	53	50	59	51
Право на личную безопасность	51	52	55	50
Право отзыва неугодного депутата	9	21	32	17
Добровольность службы в армии	29	20	31	27
Право на достоверную информацию о состоянии дел в стране, в своем поселении	14	22	39	23

Готовы ли экономические субъекты низшего уровня в современных условиях отказаться от каких-либо новых прав в обмен на возвращение старых? Специфика институционально-правовых предпочтений как "прогрессивных", так и "регрессивных" экономических субъектов состоит в том, что в этих предпочтениях сегодня соседствуют не всегда совместимые элементы: индивиды хотят обрести новые права, но не потерять старые (права-гарантии). Они не готовы отказаться от тех или иных новых прав ради возвращения старых, но и старых прав терять не хотят, что, разумеется, не всегда возможно. Так, никто из "прогрессивных адаптантов" и лишь 21–23% "регрессивных" адаптантов и НЕадаптантов

готовы отказаться от *всех* новых (провозглашенных в ходе реформ) прав взамен возвращения старых. Поэтому, в полном соответствии с теорией Джека Брема, психологическое реактивное сопротивление населения будет возникать как в случае отказа от новых прав, так и в случае невозвращения ликвидированных прав-гарантий. И это негативно будет сказываться как на устойчивости ролевых ожиданий и строгости санкций за отклонение от них, так и на субъективных оценках экономическими субъектами динамики своей свободы в условиях реформ. Не случайно из теории Д. Брема следует, в частности, что опаснее предоставлять народу свободы на некоторое время, чем не предоставлять их вообще; добавлю от себя, что не менее опасно провозглашать новые права, не создав условий и механизмов их реализации.

Трансформация институционального пространства определяется не только актуальностью и масштабами обращения к новым правам на практике, но и теми *правилами игры*, которые при этом реализуются (формируются) – будь то: доступные (вынужденные и предпочтительные) механизмы обращения к новым правам, способы защиты значимых прав в случае ущемления со стороны других экономических субъектов, отказ (временный или устойчивый) от обращения к новым правам и реализация (предпочтение) иных стратегий экономического поведения и пр.

Особенность современной ситуации состоит в доминировании *неправовых и неформальных* способов поведения в новом институциональном пространстве. Об этом, в частности, свидетельствуют данные о тех стратегиях защиты (сохранения) своих прав, которые индивиды сегодня находят более эффективными для людей своего положения и круга. Что это за способы?

Многие вообще не видят никаких способов: 36% – в городе, 59% – в селе. Большая часть (42%) открыто признали: скорее, обход законов, чем следование им ("нужда закона не знает", "нужда закон нарушает", "государство сильнее, а бизнес хитрее"), в том числе 19% высказались за сочетание незаконных способов с законными. И только 26–29% все еще твердо убеждены, что "законы превыше всего", а потому уповают исключительно на законопослушные способы восстановления нарушенных прав и освоения нового институционально-правового пространства.

Среди незаконных средств восстановления прав велика роль материальной компоненты. Почти половина (47%) респондентов к числу наиболее эффективных способов защиты прав отнесла деньги ("все продается и покупается", "за правду плати и за неправду плати"), хотя 15% из их числа при определенных условиях и допускают возможность защиты прав без денег. В настоящее время только 24% опрошенных твердо уверены в том, что "берут у того, кто дает" и что можно отстоять свои права и без денег (или других подношений).

При этом абсолютное большинство (72%) настроено на мирное, по возможности, решение вопроса ("стену лбом не прошибешь", "дракою прав не добудешь"). Напротив, 14% находят более эффективным применение силы или угрозы расправы ("кто не защищает отважно оружием своего водоема, у того он будет разрушен") – исключительно или в сочетании с мирными способами защиты своих прав (7 и 7% соответственно).

В способах восстановления законных прав коллективные способы явно доминируют над индивидуальными: 54% полагают, что "один в поле не воин", и только 11% – "кто как хочет, а я по-своему". Еще 17% высказались за сочетание одного с другим.

Судя по всему, предполагается, что подобные "коллективы" невелики, скорее, это помощь друзей и знакомых. По крайней мере, 38% из числа тех, кто за последние 3–4 года пытался как-нибудь защитить (сохранить) свои права, вынужден был решать свои проблемы через знакомых. Массовые формы открытого протеста (забастовки, митинги, собрания и др.) не очень популярны. Только на них указали 20% респондентов, а на их сочетание со скрытым противодействием – еще 9%. Примечательно, что скрытое противодействие по принципу "и тихая вода крутые берега подмывает" (менее интенсивный и качественный труд, уход от дополнительных нагрузок, протест при тайном голосовании и др.) признается еще менее эффективным. На этот некогда популярный способ сегодня указали лишь 12% респондентов. Сейчас работники гораздо чаще предпочитают либо демонстрировать открытую лояльность руководителям, пытаясь не портить с ними отношений, чтобы не потерять работу (17–21% – в городе, 34–38% – в селе), либо просто терпеть и ожидать, что со временем все наладится (31%). Сильное отставание протестного потенциала от показателей социального недовольства фиксируют и другие исследователи²⁴². В этих условиях многие из новых прав (включая свободу выражать свои взгляды, отстаивать убеждения, право на забастовку, митинги, акции протеста и др.) остаются весьма далекими от реального жизненного пространства индивидов.

Относительная успешность освоения нового институционального пространства "прогрессивными адаптантами" в немалой степени связана с тем, что они значительно чаще прибегают к неформальным способам восстановления (или сохранения) своих прав. Так, 37% из их числа уже решали эти проблемы через знакомых (против 23 и 19% у "регрессивных адаптантов" и "НЕадаптантов"); 18% доплачивали (деньгами, подарками и пр.) за ускорение решения проблем, связанных с защитой своих прав (против 8 и 6% у "регрессивных адаптантов" и "НЕадаптантов"). А вот не портить отношений с руководством, чтобы не потерять работу, "прогрессивные" экономические субъекты стремятся гораздо реже "регрессивных" (10 против 19–22%).

Другая отличительная особенность "прогрессивных адаптантов" в том, что они не только активнее обращаются к новым правам и неформальным способам их сохранения, но и значительно чаще, чем представители регрессивных типов, комбинируют самые разные стратегии освоения нового институционально-правового пространства. В 2 раза чаще они сочетают обход закона со следованием ему; в 1,7–3,6 раза чаще – обращение к властям с защитой своих прав, минуя властные коридоры; в 1,8–3,9 раза чаще – коллективные способы защиты прав с индивидуальными; в 1,4–2,8 раза чаще – восстановление ущемленных прав за деньги с отказом от каких бы то ни было подношений и др. В целом "прогрессивные адаптанты" в 1,7–2 раза реже, чем экономические субъекты из регрессивных типов, в случае нарушения их прав ничего не предпринимали, ибо это бесполезно (20% против 34–41 %).

3.3.4 Современный адаптационный процесс и перспективы институциональных перемен

Итак, экономические субъекты низшего уровня вносят важный вклад в институционализацию как новых экономических прав, так и неформальных, часто неправовых, норм социально-экономических взаимодействий в

²⁴² Кинбурский А.В. Социальное недовольство и потенциал протеста // Социологические исследования. 1998. №10. С.94.

современных условиях. Благодаря той области свободы, которой (формально и неформально) располагают экономические субъекты разных уровней, они "примеряют на себя" новое институциональное пространство и в поисках своей социальной ниши по мере сил "перекраивают" его, внося коррективы (порой существенные) в формальные и реальные правила игры.

Судя по частоте реального обращения экономических субъектов низшего уровня к провозглашенным в ходе реформ правам, возникает впечатление, что первые шаги по трансформации институционального пространства в западном направлении уже сделаны. В самом деле, новые права стали необходимым атрибутом нового институционального пространства. Однако, если судить по доминирующим моделям поведения экономических субъектов низшего уровня, глубина институциональных трансформаций отнюдь не такова, как могло бы показаться, если исходить из формальных признаков. Современное институциональное пространство напоминает западное больше по форме, чем по содержанию.

Явное несоответствие между формой и содержанием связано прежде всего с тем, что, обращаясь к новым правам или пытаясь отстоять свои законные права, экономические субъекты в большом числе случаев включаются (вынужденно или добровольно) в такие правила игры, которые принципиально отличаются от предписываемых западной общественной традицией. Причем даже в тех случаях, когда обращение к новым правам выступало способом *конструктивной* адаптации к новым условиям. В доминирующих моделях поведения – и в случае обращения к новым правам, и в случае нарушения (защиты) значимых социально-экономических прав – устойчиво отражаются (воспроизводятся) старые отношения господства-подчинения, а также неформальные (в т.ч. незаконные) способы достижения важных жизненных целей. До моделей поведения, присущих равноправным партнерам, им, разумеется, далеко.

Использование новых прав в современных условиях нередко сопряжено не с уменьшением, а, напротив, с еще большим усилением зависимости от властей, а также с ростом незащищенности как от противоправных действий властей, так и от сугубо преступных элементов. Поэтому в настоящее время обращение к новым правам в большом числе случаев либо небезопасно, либо означает потери и дополнительные препятствия, способные затруднить продвижение индивидов (домохозяев) в более значимом жизненном пространстве.

Спрос на некоторые новые права носит отложенный характер несмотря на лояльное к ним отношение. В ходе современных реформ большие группы лишились первостепенных социально-экономических прав, и в этих условиях им либо вообще нет дела до "западных" прав, либо они, хотя и желаемы, но не доступны. В значимом жизненном пространстве сегодня доминируют социально-экономические компоненты (цели, интересы, факторы, ограничители) над социально-политическими. Не случайно поэтому в значимом институционально-правовом пространстве лидируют *социально-экономические* права (новые или утраченные старые).

Современные адаптации экономических субъектов представляют собой преимущественно самостоятельный (индивидуально-семейный) процесс. В настоящее время регрессивная динамика, независимо от адаптированности или неадаптированности, превалирует даже у лиц, избравших основным способом адаптации к новым условиям увеличение трудовой нагрузки (на основной и дополнительной работе, на садово-огородных участках и ЛПХ, и др.). Низкая результативность добровольных и вынужденных социальных адаптаций свидетельствует о том, что опора только на собственные силы не позволяет индивидам успешно преодолевать современные ограничители свободы (в том числе и неправовые), и это сдерживает институциональные реформы. Поэтому в перспективе возрастание прогрессивных и добровольных адаптаций, а также снижение доли неадаптантов будет зависеть не столько от индивидуальных усилий людей, сколько от особенностей институционально-структурной политики государства, влияние которой будет смягчаться или усиливаться статусными факторами домохозяйств и индивидов (территориальными, профессионально-должностными, отраслевыми, образовательными, возрастными и пр.).

Характер институционально-структурной политики реформаторов сказался и на различиях в доступности новых экономических прав разным типам домохозяйств и индивидов. Это обстоятельство становится новым фактором социально-экономических неравенств в меняющемся обществе, а также существенным образом сдерживает институционализацию и интернализацию новых прав и правил игры большими группами индивидов.

Относительно невысокая значимость самостоятельности и независимости – даже на фоне демонстрируемой лояльности индивидов к либеральным правам, – указывает на относительно неблагоприятные перспективы углубления (расширения) их интернализации и институционализации при сохранении существующих условий. В будущем шансы на интернализацию новых прав будут тем выше, чем больше они станут способствовать продвижению индивидов на действительно значимых для них осях (преимущественно социально-экономических). Важно, чтобы индивиды быстрее достигли таких позиций на них, которые создадут им своеобразный тыл, позволяющий оторваться от материально-бытовых проблем и нищеты и по заслугам оценить новые права, а вместе с ними – самостоятельность и независимость в их западном понимании. Таким образом, перспективы институционализации новых прав и адекватных им правил игры зависят как от внутренних (лежащих на стороне индивидов), так и от внешних (лежащих на стороне среды) факторов. Чтобы полнее представить имеющийся здесь потенциал, обнаружить возможные "точки роста", необходимо более подробно остановиться на неформальной сфере современного институционального пространства, которая определяется, с одной стороны, социокультурными особенностями массовых микросубъектов, спецификой их экономической ментальности, а с другой – особенностями условий жизнедеятельности субъектов микроуровня. Как те, так и другие особенности сказываются на качественных параметрах основных рынков, где участвуют микросубъекты, а именно: рынках труда, потребительских благ и финансов.

Доминирующие стратегии экономического поведения субъектов на этих рынках, в конечном счете, в существенной мере определяют характер, механизмы, издержки и успешность институциональных реформ.

Начнем с анализа ситуации на наиболее важном рынке – на рынке труда.